

Акад. Н. С. ДЕРЖАВИН

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДРЕВНЕЙШИХ НАРОДОВ ДНЕПРОВСКО-ДУНАЙСКОГО БАСЕЙНА

(К постановке вопроса)

Положение Балканского полуострова в центре Средиземноморья, на мировом в старое время торговом пути из Европы в Азию, с одной стороны, и его природные богатства—с другой, создали для его народов с древнейших времен благоприятную обстановку для широкого развития производительных сил и соответствующего общественно-бытового уклада жизни. Горы полуострова обильны ископаемыми богатствами (железо, медь, олово, марганец и пр.); его луга и пастбища дают приют скотоводу; его равнины представляют собою цветущую житницу растительных злаков. Четыре моря (Черное, Мраморное, Эгейское, Адриатическое) омывают берега полуострова с востока, юга и запада, а на севере река Дунай (др.-гр. *Istros*, римск. *Danuvius*) со всеми своими притоками связывает его с центрами европейской промышленности и культуры, благодаря чему с полуострова всегда было легко вывозить местное сырье и продукты сельского хозяйства (кожи, хлеб, масло, соль, мед и пр.), в которых нуждались промышленные центры Востока и Запада, и ввозить сюда предметы иностранного производства, в которых нуждалось местное население. Вот почему, в частности, уже с древнейших времен, еще до нашей эры, мы видим на Черноморском побережье целый ряд торговых городов-колоний, служивших торговыми посредниками между населением полуострова и отдаленными торгово-промышленными центрами на его периферии (Эллада) или в Малой Азии. Такими греческими колониями на Черноморском побережье в древности были, например, города Томи или Томой (Кюстенджа), Одессос (Варна), Калатис (Мангалия), Месемврия и др. К числу таких же колоний принадлежала вначале и древняя Византия (Константинополь, Царьград, Стамбул), основанная в 658 г. до н. э. выходцами из древнегреческого города Мегары и выросшая впоследствии, в средние века, начиная со времени перенесения сюда в 330 г. н. э. римским императором Константином I столицы империи, в самый крупный центр мировой торговли, промышленности и культуры. Непосредственная связь полуострова через Босфор и Мраморное море с Азией и ее сказочными с глубокой древности богатствами делали из Балканского полуострова с его центром Византией естественную станцию на великом торговом пути из Европы в Азию и обратно, станцию не только в хозяйственно-торговом смысле, но и в смысле культурного обмена.

Из Византии на запад этот путь шел через Адрианополь, Филиппополь, Софию, Ниш и Белград (*Via Singidunum*), т. е. с момента возникновения

на полуострове во второй половине VII в. н. э. (679 г.) первого славянского государства Болгарии в значительной своей части он шел через болгарскую территорию. Это еще более увеличивало ценность территории полуострова и тем самым издавна превращало ее в плацдарм для широкого развертывания здесь международного торгового обмена.

Неисчислимы прославленные богатства средневековой Византийской империи, ее торговля и промышленность издавна жили за счет того обширного рынка, который представляли собою страны полуострова и обширные степные причерноморские и приазовские пространства на севере вплоть до Средней Азии. Сюда в степь к кочевникам-скотоводам и земледельцам шли в изобилии и римское золото и изделия римской промышленности в обмен на сырье, на продукты скотоводства, а вместе с золотом и изделиями промышленности шла на север в придунайские, причерноморские, приднепровские и придонские области и римская культура. Когда же этот рынок по тем или иным причинам утрачивал свою платежеспособность, когда в его хозяйственной жизни наступал кризис, его население искало себе и своим стадам спасение от голодной смерти в пределах империи то путем дипломатических переговоров и ультимативных требований, то в форме вторжений, завоеваний, захватов.

Рим, став хозяином полуострова частично уже со II в. до н. э., всячески отбивался от своих опасных соседей с востока то золотом, то оружием, пока, наконец, не был вынужден отступить за Дунай перед оказавшимся более сильным противником—степняками.

Углубляясь шаг за шагом в своем завоевании полуострова внутрь страны, римляне вырубали и жгли его девственные леса, через непроходимые дебри прокладывали дороги, берега бурных потоков соединяли мостами. Многие из этих дорог и мостов уцелели на полуострове и до сих пор и продолжают нести свою службу под именем «траяновых» мостов и дорог.

Вдоль дорог римляне строили военные кордоны, лагеря, укрепления и торговые города в подлинно-римском стиле, т. е. с удобствами, богатством и роскошью римской цивилизации и культуры: с дворцами, зданиями правительственных учреждений, храмами, театрами, термами (бани) и пр. Так возникли в эпоху римского владычества на территории нынешней Болгарии римские города: *Dorticum* (с. Раковица при устье р. Тимока), *Вопониа* (г. Видин), *Colonia Ulpia Ratiaria* (с. Арчар), *Remetodia* (в 12 римских милях восточнее с. Арчар), *Almus* (г. Лом), *Cebus* (с. Цибър-Паланка), *Pomodiana* (Малтепе у с. Лабец), *Augusta* (у нынешнего с. Хърлец в устье р. Огоста), *Colonia Ulpia Oescensium* (с. Гиген), *Novae* (Стъклен у г. Свищов), *Sextana Prisca* (г. Руссе—Пушук), *Durostrum* (г. Силистра), *Transmarisca* (г. Тутракан) и др.

Многочисленные колонии были созданы римлянами и внутри страны, как, например, *Nicopolis ad Haemum* (с. Никюп на р. Янтре), *Melta* (г. Ловеч), *Troaeum Traiani* (в нынешней Добрудже) и др.

В области колониального строительства на полуострове особенно много труда положил римский император Ульпий Траян (*Marcus Ulpius Traianus*, 98—117 гг. н. э.). Он основал, между прочим, нынешнюю столицу Болгарии г. Софию (*Ulpia Serdica*), Кюстендил (*Pautalia*), Старую Загору (*Augusta Traiana*, на месте фракийского города *Berrhoea*), *Marcianopolis* и др. Он же оставил в местной народной памяти на полуострове глубокий след: с его именем, на котором с течением времени сосредоточилась, очевидно, народная память о римлянах вообще, связываются до сих пор на всем полуострове и в северных придунайских областях различные местности и сооружения,

вроде города Троян, Трояновых ворот, Трояновых мостов, Трояновой дороги, Трояновых валов и т. п.

В языческих верованиях старого славянского населения полуострова наряду с богами Хорсом, Велесом и Перуном фигурирует также и бог Троян; имя же «царя Трояна» до сих пор часто упоминается в легендах, сказаниях и песнях у всех народов полуострова и в задунайских областях бывших владений гетов и даков¹.

Римское владычество в Задунайской Дакии падает на годы со 106 по 275 н. э. Границы римской Дакии шли далеко на север, упираясь в Карпатские горы и на востоке охватывая территории Молдавии, Бессарабии и далее на восток, за Днестр и Буг, вплоть до низовьев Днепра. На полуострове римское владычество держалось вплоть до IV в. н. э. В результате борьбы против Рима славянских племен и других народов в VI-VII вв. здесь же, на северо-восточной окраине полуострова, в областях нынешних Добруджи и Делиормана возникла первая славянская держава Аспаруха (679 г.), положившая начало политическому объединению живших здесь испокон веков, но разрозненных до тех пор славянских племен. Римскому влиянию был положен навсегда конец объединившимися варварами, которые уже формировались в политические объединения; возникали славянские государства.

Западная часть Причерноморья, как это прекрасно известно, издавна была занята восточно-славянскими племенами, т. е. русскими славянами.

Западный историк VI в. Иорнанд, или Иордан, в сочинении «*De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis*» пишет о современных ему славянах: «За Дунаем лежит Дакия, огражденная, как венцом, высокими горами, по левой, к северу обращенной стороне которых, начиная от верховьев Вислы («от самых вершин Вислы»), живет на неизмеримом пространстве многолюдный народ венеды (*vinidarum patio populosa*). Хотя имена их и изменяются теперь по различию родов (*per varias familias*) и жилищ, однако они большею частью называются славинами и антами. Славины обитают от города Новиетунского (*a civitate Nouietunense, Nouietunum*) и озера, называемого Музианским (*et lacu, qui appellatur Musianus*), по самый Днепр, а на север—по Вислу; у них болота и леса заменяют города. Анты же, храбрейшие из них, живут в окрестностях Понта, от Днестра до Днепра, рек, отстоящих одна от другой на несколько дней пути»².

В главе 23-й того же сочинения Иордан говорит о венедах, что «они пошли от одного рода, но теперь называются тремя именами, т. е. в е н е т а м и, а н т а м и и с л а в а м и (*veneti, antes, sclavi*)».

Другой историк VI же века, Прокопий Кесарийский, в своем знаменитом сочинении «*Gothica sive bellum Gothicum*», являющемся, как и труд Иордана, первоисточником по изучению славянских древностей, говорит, между прочим, что в начале царствования императора Юстиниана (527 г.)—«гунны, славяне и анты, соседи славян, почти ежегодно переправлялись через Истр и вторгались большими полчищами в римские пределы». Затем у того же автора мы читаем: «Меотийский залив (Азовское море.— Н. Д.) впадает в Понт Эвксинский. Тамошние обитатели известны были прежде под именем кимерийцев, а ныне называются уже утургурами. Д а л ь н е й ш и е к р а я н а с е в е р з а н и м а ю т б е с ч и с л е н-

¹ См. L. Niederle—*Slovanske Starozitnosti*, Dil. I, sv. II, стр. 339 сл., 501.

² См. «*De Getarum s. Gothor. orig.*», cap. V; П. И. Шафарик—*Славянские древности*, т. I, кн. I, Москва, 1847, стр. 113 сл.; то же. В. Макушев—*Сказания иностранцев о быте и нравах славян*, СПб, 1861, стр. 107 сл.

ные народы антов (*populi antarum infiniti*, ἔθνη τὰ ἀντῶν ἀμετρα)... Перед тем с л а в я н е и а н т ы имели одно имя, т. е. они встарину назывались с п о р а м и, потому, думаю, что жили *σποράδην*, рассеянно. От этого они занимают такие обширные земли; и точно, большая часть земель по ту сторону Истра принадлежит им¹.

Наименование славянского народа виндами или вендами (тоже — винидами, винедами, венедами или венетами и т. п.) и стран, населенных этим народом, «землю венедов» — проходит затем через всю западную историческую литературу вплоть до XIII в. Но имя народа в е н е д о в не впервые называется у историков VI в., Иордана и Прокопия: оно имеется у греческих и римских писателей I и II вв., у Плиния (ок. 79 г.), у Тацита (ок. 100 г.), у Птолемея (ок. 175 г.) и т. д. «Таким образом, — заключает Шафарик, — вот те очевидные и важные свидетельства пяти разных, независимых друг от друга, достоверных источников I—VI вв., в коих говорится о действительном пребывании великого народа венедов (потому что Птолемей прямо полагает его между ἔθνη μέγιστα и называет первым из них) за Карпатами, на берегу Вислы, в краях, лежащих между этой рекой, упомянутыми горами и Венедским заливом и далеко простирающихся на восток и север, именно там, где после, т. е. около 550 г., Иордан назначает жилища своим с л а в я н с к и м в и н и д а м². В тождестве венедов Плиния с в и н и д а м и Иордана сейчас никто не сомневается; наименование же славян в е н д а м и или в и н д а м и и до сих пор сохраняется у всех, не только германских, но и вообще издавна соседивших со славянами народов, как оно же до сих пор сохраняется во множестве наименований населенных пунктов на бывшей некогда славянской территории.

Таким образом, уже в первой половине VI в. н. э. юго-западное Причерноморье вплоть до Дуная было занято восточными славянами и территориально непосредственно смыкалось с славянским населением б. Римской Дакии и Нижней Мезии (славины) — с одной стороны, и с славянским же населением территории, на которой в IX в. вырастает и первая русская славянская держава. Киевское княжество (анты) — с другой. В это же время, по данным Прокопия, а н т ы занимали и Приазовье.

VI век — первая исторически засвидетельствованная дата, характеризующая этнографический состав населения Киевско-Дунайского района.

Мы полагаем, однако, что эта дата должна быть отодвинута в значительно более глубокую давность, границы которой не подлежат пока, к сожалению, никакому, даже приблизительному определению. Наши принципиальные методологические установки в области изучения этногонии и глоттогонии, которыми мы обязаны марксистской установке нового учения о языке Н. Я. Марра, говорят с несомненностью о действии известных законов исторической преемственности не только в развитии языка и культуры народов данной территории, но и о такой же преемственности в существовании и развитии самих народов, как определенных этнических образований на данной территории. Этим именно методология Н. Я. Марра в области историко-этнографической коренным образом разнится от чисто формалистического метода миграционной теории³.

¹ П. Шафарик, ук. соч., стр. 114 сл.; то же В. Макушев, ук. соч., стр. 108.

² П. Шафарик, назв. соч., стр. 125.

³ Н. Я. Марр — Избранные работы, т. V. Этно- и глоттогония Восточной Европы, М.—Л., 1935.

В своей работе 1930 г. «Византия и славяне в VI в.» я пытался, идя вслед за Н. Я. Марром, вскрыть на конкретном материале несостоятельность показаний византийских источников, приурочивающих массовое заселение полуострова славянами с севера, из-за Дуная, только к VI в. н. э. Я попытался опровергнуть точку зрения сторонников миграционной теории на Западе, продолжающих считать, что до VI в. не может быть речи о славянах как одной из народностей, населяющих полуостров. Я утверждаю, не углубляя сейчас этого вопроса, что от берегов Эгейского моря и Адриатики, переходя через Дунай и нынешние венгерские и румынские равнины, и вплоть до Карпатских гор на севере, до Днестра, Заднепровья и Подонья—на востоке, мы имели здесь в древности и в раннем средневековье, к моменту возникновения на Днестре киевской государственности, т. е. к IX в. н. э., известную непрерывность, известные единство и общность хозяйственно- и культурно-стадиального развития, хотя бы и успевшего уже к этому времени пережить известную дифференциацию, в частности— и дифференциацию в языковом развитии, не столь, однако, глубокую и существенную, чтобы она мешала тесному культурному общению русских славян с народами полуострова.

Эта исконная этногенетическая общность населения интересующего нас района, который я условно называю Киевско-Дунайским поясом, понимая под этим термином известную область Средиземноморья, идущую в действительности гораздо южнее Дуная и гораздо севернее и восточнее Киева, обуславливала собою и известную общность первоосновы культурной жизни ее населения.

В процессе развития народнохозяйственной жизни и мышления эта общность первоосновы не оставалась, конечно, на разных участках указанной территории постоянно и неизменно одною и тою же: она изменялась в зависимости от местных условий, то осложняясь новыми нарастаниями и, таким образом, перерастая в новые формы и приобретая новое содержание, то убывая и сокращаясь количественно вплоть до полной утраты и т. д. Мы видим это на том, как изменялся образ Траяна у народов Балканского полуострова и как у восточных славян этот образ в «Слове о полку Игореве» модифицировался в образ Трояна.

Блестящую страницу в истории культуры интересующего нас района в далекой доисторической давности образует так называемая «Трипольская культура» эпохи неолита и раннего металла, связывающая Дунайско-Днестро-Буго-Днепровской район общностью своих вещественных памятников и вскрываемого на их основе социального строя не только с Румынией и Венгрией, но и с Балканским полуостровом—с Фессалией, и с древними культурами Средиземноморья—с Микенами и Критом, а на востоке, в Малой Азии,—с Троей. Проф. Б. Л. Богаевский говорит о наличии определенного сходства центров родовых обществ в дунайско-балканских и, быть может, в днестро-днепровских областях с древнеэлладским (домикенским) периодом в Арголиде. Это дает основание характеризовать «Трипольскую» культуру как домикенскую культуру¹.

Памятники «Трипольской» культуры, во множестве открытые на огромном пространстве, начиная от Днестра и вплоть до Днестра, Прута и Карпат и далее, предположительно—до реки Вислы, частично и на левобережье

¹ Э. Р. Штерн—Доисторическая греческая культура на юге России, «Труды XIII Археологического съезда», т. I; проф. Б. Л. Богаевский—Первобытнокоммунистический способ производства на Крите и в Микенах;—см. сб. статей «Памяти Карла Маркса» (1883—1933), изд. АН СССР, 1933, стр. 712, 730;

Днепра в Остерском районе б. Черниговской губ. по левому берегу реки Десны, представляют многообразные стадии развития, от самой древней до той, которую мы видим в начале века металлов¹. В. В. Хвойко, которому принадлежит заслуга открытия в конце XIX в. у нас на Приднепровье памятников «Триполья», названных от имени с. Триполье на Киевщине, тогда же пришел к заключению, что носитель этой культуры был мирным, оседлым земледельческим народом и что именно в нем «можно видеть только наших предков праславян (или протославян), предшествовавших и переживших в нашей местности все известные доселе передвижения и нашествия других иноземных племен, и потомки которых удержали в своем владении край предков до настоящего времени»²...

Следует отметить, что во всех своих работах В. В. Хвойко подчеркивал неизменно наблюдение, что народ—носитель и строитель «Трипольской» культуры, занимавший такое громадное пространство и оставивший на всем протяжении столько бесчисленных памятников своего постоянного пребывания, от неолитических времен вплоть до IV в. н. э. и далее, очевидно, не мог исчезнуть бесследно или быть заменен каким-либо другим. В период своей долгой исторической жизни он представлял собою постоянного насельника данной территории.

Следует указать, что точка зрения В. В. Хвойко была высказана им, главным образом, на основании сравнения трипольского обряда сожжения, который был им открыт в так наз. «площадках», с погребальным обрядом, «удерживающимся в указанных нами пределах от первоначальных времен в течение греко-скифской и последующей эпох»³. Большие исследования памятников «Триполья», проведенные в последние годы советскими археологами, установили, что так наз. трипольские «площадки» являются не ритуального характера памятниками, как считал В. В. Хвойко и другие, а жилищами. Таким образом, главный аргумент, на основании которого В. В. Хвойко проводил свои сопоставления, в настоящее время не может служить доказательством в определении народности в области Приднепровья⁴. Ограничиваясь сейчас лишь общей постановкой вопроса, необходимо заметить, что, в связи с открытиями последних лет, огромный археологический материал изучаемых периодов должен быть проанализирован и сопоставлен заново. Тогда возможно будет говорить о стадиальной общности Киевско-Дунайского района в период III—II тысячелетий до н. э. с еще большей полнотой. Доисторические судьбы интересующего нас района СССР идут и древнее, вскрывая здесь настолько широко представленную культуру человека дилuviального, особенно ледникового, периода, что он может быть назван, в известном смысле, классическим районом палеолита, т. е. древне-

¹ См. Т. С. П а с с е к — Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет ВДИ, М., 1938, кн. 1 (2), стр. 261—278.

² В. В. Х в о й к о — Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры. СПб, 1904. Оттиск из «Записок Русского археологического общества», т. V, вып. 2.

³ В. В. Х в о й к о — Каменный век Среднего Приднепровья, «Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г.», М., 1901, стр. 737—812; е г о ж е — Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры, СПб, 1904 («Записки Русск. арх. общества», т. V, вып. 2); е г о ж е — Поля погребений в Среднем Приднепровье, СПб, 1901 («Раскопки В. В. Хвойко в 1899—1900 годах»); ср. Ф. А. Л и н и ч е н к о — О новейших раскопках г. Хвойки. ЗОО, XXIII, 68—76.

⁴ Вместе с тем, исследованные советскими учеными новые археологические памятники неолита и последующих эпох на территории Днестровско-Днепровского бассейна дают возможность проследить весь сложный процесс возникновения автохтонных племенных образований, протекавший в этой области.

каменной культуры. По характеристике акад. М. Грушевского, находки палеолита подтверждают существование человека на территории Киевской Руси в продолжение очень длинного промежутка времени, на протяжении десятков тысяч лет дилuviальной эпохи, второй ее половины, во время, соответствующее поздней палеолитической культуре Центральной и Западной Европы—эпохам Солютре и Мадлен—и переходным к неолиту¹. Чрезвычайно интересно в будущем будет проследить те процессы, которые создали в Киевско-Дунайской области этногоническую общность населения, своими корнями уходящую в далекое историческое прошлое, в эпохи, предшествующие нашей эре, на территории той области, где в дальнейшем мы застаем на северо-восточной окраине ее Киевское государство, а на юго-западной—первое на полуострове славянское Болгарское царство.

«Повесть временных лет» помещает в юго-западном Причерноморье славянские народы уличей и тиверцев, говоря о них: «...сеядху по Бугу и по Днепру и присеядху к Дунаеви; и бе множество их, сеядху бо по Бугу и по Днепру оли до моря».

Незадолго перед смертью Игоря (945 г.) его воевода Свенельд «примучил» их и принудил платить дань киевскому князю.

На севере уличи, или угличи, соседнили с родственными им полянами.

Область у моря между Днестром и Дунаем занимали тиверцы, поселения которых доходили когда-то до самого моря и Дуная. Население тиверцев здесь было тогда весьма значительно и вплотную соприкасалось со своими родичами—левобережными и правобережными дунайскими славянами.

На северо-западе к тиверцам примыкали поселения дулебов, или бужан, или волынян, которые с востока имели своими соседями этнически родственных им древлян, а южнее их—таких же полян.

Таким образом, к середине X в. все пространство от Днепра к Бугу, к Днестру и к Пруту вплоть до левобережного Подунавья было сплошь занято населением восточно-славянской группы, политически объединившейся под властью киевского князя. Юго-западная граница Киевской Руси упиралась тогда в Черноморское побережье и верховья Дуная.

Следовательно, между славянским населением тогдашней Симеоновой Болгарии и этнически родственным с ним населением Киевской Руси не было никакого разрыва, и река Дунай служила лишь политической границей, отделявшей Россию от Болгарии. Киевско-Дунайский пояс продолжал, таким образом, оставаться действенным и тогда, когда в северо-восточной его части уже сложилась Киевская Русь, а в юго-западной выросло первое Славянско-Болгарское царство. Образование этих двух территориально соседивших друг с другом политических объединений не уничтожало и не могло уничтожить в жизни их народов старого, общего им испокон веков культурного наследия, но оно внесло в их жизнь, несомненно, новый фактор, сыгравший роль дифференцирующего элемента в их дальнейшем хозяйственном и культурном развитии.

По археологическим данным, сношения Киевской области с Римской Византией существовали со времени основания Константинополя, как политического центра Восточноримской империи, т. е. с IV в. н. э. Об этом говорят византийские монеты и ткани, византийское оружие, византийская орнаментика и другие предметы византийского искусства V, VI и последующих столетий, открытые в могилах славяно-русских племен. По лето-

¹ Проф. М. Грушевский—Киевская Русь, I, СПб, 1911.

писным данным, договорные отношения киевлян с греками существовали уже до времени завоевания Киева новгородским князем Олегом. Мы имеем данные, которые говорят о том, что в 866 г. киевляне опустошили окрестности Константинополя за нарушение греками условий договора... По летописным же данным, первое крещение киевлян относится ко времени княжения в Киеве Аскольда и Дира, т. е. к середине IX в. или, другими словами, на сто лет ранее официального признания христианства по византийскому обряду в качестве государственной религии Владимиром Святославичем в 988 г. При заключении договора с греками в 945 г. киевляне христианского культа присягали ему на верность в киевской соборной церкви св. Ильи.

Но археологические источники ведут нас значительно далее вглубь веков, нежели Византия, и ставят восточное славянство непосредственно лицом к лицу с Римом. Об этом говорят богатейшие находки кладов римских монет не только в ближайшем районе к Киеву, что было бы вполне естественно, учитывая мировую торговую роль Киева в древности¹, но также и далеко за его пределами на востоке, на севере и на западе. Важно при этом отметить, что обильные находки римских монет в бассейне Приднепровья, буквально засыпанном ими, являются здесь не случайно, а стоят в тесной связи с крупными населенными пунктами страны и говорят, прежде всего, о давнем занятии и заселении приднепровской территории оседлым населением. С другой стороны, эти находки говорят и о том, что римские монеты являются здесь не в силу одних только торговых сношений обитавших в Южной России племен с классическим миром, а скорее, как предполагает археолог, в силу тех бесчисленных столкновений этих народов с Римской империей или посредством союза со своими ближайшими соседями—гетами и даками, или же непосредственно—путем самостоятельных нападений на восточные римские области, как это можно проследить по дошедшим до нас источникам².

В 1899—1900 гг. названный уже нами выше археолог В. В. Хвойко нашел в районе Среднего Приднепровья в могильниках при с. Чернякове (б. Киевского у.) и в с. Ромашках (б. Васильковского у.), отнесенных им ко времени от конца II до V в. н. э., богатейший вещевой материал, который вместе с найденными при одном из покойников римскими монетами «довольно определенно указывает,—говорит автор,—на заимствование типов и техники этих предметов из обихода римской культуры, повидимому, игравшей тогда значительную роль в жизни местного населения»³.

Приведенные выше факты еще раз подтверждают нашу мысль о наличности с древнейших времен непрерывной хозяйственной и культурной связи между Киевской Русью и европейским юго-западом, т. е. Римом, Византией и Болгарией. Связь с Византией и Болгарией, в частности, поддерживалась не только морем, но и сушей, т. е. через территорию северовосточных районов Болгарии, испокон веков заселенных славянами. Рим, Византия и Болгария были хорошо известны в Киеве. Равным образом, и Киев был хорошо известен не только как богатый торговый, но и как

¹ В. В. Святловский—Примитивно-торговое государство, как форма быта. СПб, 1914, стр. 166—229 («Записки ист.-фил. факультета СПб. унив.», часть СХVIII).

² В. Г. Ляскоронский—Находки римских монет в области Среднего Приднепровья; см «Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г.». т. I, Москва, 1901, стр. 458—464.

³ В. В. Хвойко—Поля погребений в Среднем Приднепровье. СПб, 1901, стр. 14 сл.

крупный политический центр, с которым Византия и Болгария поддерживали тесные дипломатические связи, каждая по-своему используя эти связи в своих интересах и взаимоотношениях.

Так, например, когда в 941 г. киевский князь Игорь выступал в поход против Византии, болгарский царь Петр (927—968 гг.) счел себя обязанным, в силу договора с Византией от 927 г., предупредить о том византийского императора, Романа Лакапина¹.

В случае напряженных политических отношений между Византией и Болгарией Византия прибегала к помощи Киева, натравливая его против болгар. Так было, например, при византийском императоре Никифоре, во второй половине X в., когда киевский престол занимал князь Святослав Игоревич. При содействии специального эмиссара, херсонесца Калокира, Византии удалось вооружить киевского князя против болгар. В конце весны или в начале лета 968 г. Святослав во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Днепру и Черным морем двинулся в устье Дуная. Болгария была застигнута врасплох, и выставленная ею против Святослава 30-тысячная армия была разбита русским князем и заперлась в Доростоле (болг. Дръстър, др.-римск. *Durostrum*, теперь гор. Силистра). Согласно показаниям нашей летописи, под 6475 годом (968 г.); Святослав, в связи с поражением болгар, — «взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту, Переяславци, емля дань на Грьцех» (Лавр.). Центром своих владений Святослав сделал город Переяславец, болг. Преславец, т. е. Малый Преслав, расположенный на правом болгарском берегу Дуная против болотистого озера Балта, между городами Черна-вода и Хърсово (Гирсово). Это был очень важный торговый пункт, лежавший в самом узком месте между Дунаем и Черным морем. По объяснению проф. В. Н. Златарского, летописное выражение «город 80 по Дунаеви» следует понимать не в прямом смысле слова, как 80 городов, расположенных вдоль побережья Дуная, но как 80 городов Придунайской области, или в области Дуная, т. е. в северо-восточной Болгарии. Таким образом, в первый свой поход на Болгарию Святослав, по объяснению проф. Златарского, завоевал нынешнюю Добруджу и часть Делиормана.

Чтобы спастись от непрошенного гостя, болгарское правительство вступило в переговоры с Византией и одновременно предложило печенегам напасть на Русь и тем самым заставить русских с их князем очистить Болгарию, на что печенеги согласились и осадили Киев. Это заставило Святослава поспешить в Киев, но значительную часть своей армии он оставил во вновь завоеванной им области. Ликвидировав в Киеве угрожавшую ему со стороны печенегов опасность в следующем же 969 г., Святослав вновь направился в свою болгарскую область.

Во вторую болгарскую экспедицию 969 г. Святослав из своего Переяславца продвинулся уже далее на юг, занял самую столицу Болгарского царства, Великий Преслав, где захватил в плен болгарского царя Бориса II с семейством и братом его Романом и, перевалив через Балканский хребет, взял Филиппополь, завоевал, таким образом, всю Болгарию и через Адрианополь проник на византийскую территорию вплоть до нынешнего Люле-Бургаса (Аркадиополь). В течение четырех лет, с 968 по 972 г., Болгария, таким образом, находилась в непосредственном владении русского князя².

¹ См. проф. В. Н. Златарский — История на българската държава, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 569.

² См. В. Н. Златарский, назв. соч., стр. 588—624.

По объяснению историка С. Соловьева, Святослав считал своею землею только одну Болгарию, приобретенную им самим; Русскую же землю, по понятиям того времени, он считал владением общим, родовым. Вот почему он и спешил окончить свое княжение на Руси, посадив старшего сына, Ярополка, в Киеве, другого—Олега в земле Дривлянской, а младшего, Владимира, отправив в Новгород¹.

В XI—XII вв. русские поселения («заселенные притоны») существовали не только у днепровских порогов, которые носили славянские названия: Не спи, Островный праг, Неясыть, Вълный праг, Вручий, Набрежий,— но и близ берега моря, в Олешье.

В Ипатьевской летописи под 1160 г. читаем: «Ростислав из Киева посла Георгия Нестеровича и Якуна в насадах на берладники, иже бяхуть Олешье взяли»... А под 1184 г. там же говорится: «Давыд зая грекы в Олешьи, и зая у них именье». Связь Киева с периферийными владениями «с незапамятных времен», по выражению И. И. Срезневского, поддерживалась не только водными путями, но и проезжими дорогами. Одна из них называлась залозным путем. По предположению Срезневского, эта дорога вела через Залозье к Подунавью, где и в XII и в XIII вв. были владения русских князей, как были они там в X в. или еще раньше. В 1106 г.—«Владимир Мономах посла Ивана Войтигича и посади посадники по Дунаю» (Ип.); в 1102 г.—«Князь Василько получил от греческого царя в Дунаи города, а Мстислав волость от Сколана»...².

Насколько традиция о принадлежности Болгарской территории России была популярна в старое время среди русских славян, об этом может свидетельствовать, между прочим, список «градом всем Русским, дальним и ближним», приложенный к Воскресенской летописи (П. С. Р. Летоп. VII, 240), где значатся: «На Дунае Видицов о седми стен каменных, Мдин (ок. Калафата против Видина?); об ону страну Дуная Трънов...; а по Дунаю: Дрествин (Силистрия), Дигин (Мачин, древняя Диногетия), Килия (старый город этого имени против нынешней Килии); на устье Дуная: Новое село (Килиянова), Аколятра (Ликостомийон, Вилково); на море: Карна (Варна), Каварна. А на сей стороне Дуная: на устье Днестра над морем Белгород (Аккерман), Чернь (с. Граденица), Аскый торг (Яссы) на Пруте реке; Романов торг на Молдаве, Немечь; в горах: Корочюнов, Камень (Пиетра), Сочава, Сереть, Баня, Нечюнь, Коломья, городок на Черемоше».

Приводя это место в 387 примеч. к IV тому своего труда (изд. Эйнерлинга, I, 156), Карамзин прибавляет от себя только следующее: «Князья Галицкие могли владеть и частью Волошской земли; но сомневаюсь, чтоб они господствовали до Терновы. Сей географ именует, кажется, болгарские города российскими единственно для того, что они были завоеваны великим князем Святославом в X в.»³.

«Галичкы Осмомысле Ярославле!—читаем мы в «Слове о полку Игореве»; Высоко седиши на своем златоковенном столе, подпер горы Угорскыи своими

¹ С. Соловьев—История России с древнейших времен, т. I. М., 1866, стр. 152—155.

² И. И. Срезневский—Русское население степей и южного поморья в XI—XIV вв. ИАН по Отд. русского языка и словесности, т. VIII, 1859—1860, стр. 313—320. Цитируя названия днепровских порогов, оставшихся от древности: Не спи, Островный праг, Неясыть, Вълный праг, Вручий, Небрежий,—Срезневский замечает: «древние названия могли удерживаться только постоянным знанием местностей, к которым они принадлежали, постоянно близкими к ним жителями».

³ См. Ф. Брун—Догадки касательно участия русских в делах Болгарии в XIII и XIV столетиях. ЖМНП, декабрь, 1878, часть СС, СПб, 1878, стр. 227—238.

железными плъки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата; стреляеши с отня злата стола салтани за землями».

Вышеизложенные события раскрывают не только одни походы киевских князей. Неправильно в этом видеть только завоевательную политику Киевской Руси.

Эти события мы привлекли для постановки вопроса о характере культуры Днепровско-Дунайского бассейна, об историческом единстве этнического слоя населения, об общей стадии его социально-политического развития, приведшего к образованию здесь почти одновременно ряда славянских государств.

Археологические памятники Триполья, свидетельства древних писателей о народах венедах (славянах вообще), антах (восточных славянах), склавинах (и южные, и западные, и восточные славяне), культурная эволюция Днепровско-Дунайского бассейна, прослеживаемая на памятниках материальной культуры,—все это дает нам основание поставить вопрос о развитии протославянских и славянских народов, выступивших активно в V—VI вв. в процессе образования своей государственности против римского владычества.

Изучение древнейшей культуры народов этого бассейна помогает историкам понять, какую роль могучего фактора в истории сыграли эти народы в уничтожении восточноримского владычества.

Вместе с тем, это помогает установить, как после традиционной борьбы народов Восточной и Юго-восточной Европы против иноземного владычества стали создаваться первые политические объединения, выросшие в славянские государства: Само (Чехия), Болгария, Киевская Русь.

